

МНОГООБРАЗИЕ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ И ГРУПП ДАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ: ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Д. Н. Нечаев

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Поступила в редакцию 16 апреля 2013 г.

Аннотация: в исследовании рассматриваются ключевые теоретические подходы к анализу функционирования групп интересов и групп давления в политике. Проанализированы теоретические взгляды классиков корпоративизма и неокорпоративизма, а также современных российских исследователей применительно к политическим процессам в постсоветской России.

Ключевые слова: корпоративизм, неокорпоративизм, группы интересов, группы давления, лоббизм.

Abstract: article is examined the basic theoretical approaches to the analysis of the functioning of interest groups and pressure groups in politics. It's analyzed the theoretical views of the classics of corporatism and neocorporatism, as well as modern Russian researchers in relation to political processes in post-Soviet Russia.

Key words: corporatism, neocorporatism, interest groups, pressure groups, lobbying.

В течение довольно длительного времени проблематика групп интересов органически вписывалась в концепцию «плюралистической демократии» (позднее корпоративизма и неокорпоративизма), в соответствии с которой множество групп оказывают то или иное воздействие на органы государственной власти и вместе с партиями являются полноправными участниками процесса выработки и принятия политических решений.

Для современной России проблема интереса, его учета в политике более чем актуальна, поскольку происходит «утяжеление» экономического веса бизнеса, и, прежде всего, бизнеса корпоративного. Наряду с корпорациями сырьевого сектора заметную роль в экономике страны заняли корпорации таких отраслей, как связь, особенно мобильная, розничная торговля, жилищное и офисное строительство, ВПК и некоторые сектора обрабатывающей промышленности. Общее число крупных корпораций и бизнес-групп стало исчисляться уже не десятками, а сотнями» [1, с. 145].

Продолжая рассмотрение групп, дадим некоторые формулировки, раскрывающие онтологию феномена и, на наш взгляд, необходимые для дальнейшего изучения с точки зрения участия различного вида ассоциаций в современной политике. Здесь налицо широкий спектр подходов к пониманию природы групп. Так, А. Бентли взаимодействие групп и институтов государства считал важнейшим и определяющим фактором государственной политики [2, с. 321–331].

М. Вебер полагал, что группы интересов (союзы) обладают определенной автономией от государства, они не ищут пути прямого участия во власти и «будут действовать в соответствии с установленным соглашением» [3, с. 516].

Р. Даль предположил, что по мере усложнения общественных процессов неизбежно увеличение числа весьма разнообразных «политических ассоциаций – лоббирующих организаций, групп давления, политических партий» [4, с. 97]. С этим процессом он связывал проблему стабильности современного общества [4, 5].

М. Олсон исследует эксклюзивные (закрытые) и инклюзивные (открытые) группы, рассматривая понятие «особого интереса», и вводит в научный оборот теорию «побочного продукта» больших влиятельных групп. Анализируя данные категории, исследователь задает резонный вопрос: «если у индивидов большой группы нет достаточного стимула для организации лобби с целью получить коллективную выгоду, то как тогда можно объяснить существование организованных больших групп?» [6, с. 124].

Т. Парсонс считал, что «группа может действовать только через своих членов, в частности, тех, кто играет ответственные роли» [7, с. 158], т.е. данные ассоциации заняты в том числе и деятельностью, связанной с принятием правительственных решений. Р. Даль отмечает, что «иные виды ассоциаций ... сыграли определенную роль в новой истории демократических идей и в практике их распространения ... как средства демократизации государственного правления» [4, с. 45].

Понятие «группы давления» введено в оборот М. Дюверже. Он установил более четкую градацию внутри последних, выделяя («exclusive» pressure groups) и те, для которых такое взаимодействие является лишь частью их активности («partial» pressure groups) [8]. По мнению М. Олсона, «задачи всех этих типов организаций заключаются в том, чтобы поддерживать общие для их участников интересы: общие интересы членов профсоюза в повышении заработной платы, общие интересы фермеров в протекционистском законодательстве, общие интересы членов картеля в повышении цен, общие интересы акционеров в высоких дивидендах и ценах на акции, общие интересы граждан в хорошем правительстве. ... Назначение организации, таким образом, связано с существованием общих или групповых интересов» [6, с. 6].

В российской политической литературе деятельность групп интересов характеризуется как близкая к функционированию групп давления, группы интересов выполняют необходимые для общества функции. Достаточно полная типология рассматриваемого феномена приводится в работах как зарубежных (М. Олсон, Г. О’Доннел, Ф. Шмиттер и др.), так и российских авторов (С. П. Перегудов, Н. Ю. Лапина, И. С. Семененко, В. А. Лепехин, Я. Ш. Паппэ и др. [9–11]). В соответствии с данными подходами можно выделить четыре типа групп интересов в зависимости от специализации организованности: *спонтанные группы интересов, институциональные, ассоциативные и неассоциативные*. Под группами интересов стоит понимать «совокупность агентов, которые характеризуются совпадением экономических интересов (возможно, ситуативным), при этом на агентов воздействуют избирательные стимулы к производству совместного (коллективного) блага (принятию того или иного коллективного решения)» [12, с. 187].

М. Олсон, в частности, выделяет следующие группы интересов: *трудовые (профессиональные) лобби*, являющиеся «наиболее важным типом организации влиятельных групп», занимающие «первое место в любой дискуссии по поводу большой лоббистской организации» [6, с. 127]; *деловое лобби (деловое сообщество)*, являющееся той частью общества, которая обладает наибольшим числом лобби, работающих в его интересах (к примеру, «Торговая палата»); *фермерские кооперативы и лобби*, которых, к примеру, в США, по мнению М. Олсона, крайне мало; *неэкономические лобби*, являющиеся важными социальными и политическими организациями, такими, как организации ветеранов, филантропические лобби, религиозные и др.; *«забытые» группы*, представляющие собой неорганизованную группу, у которой нет лобби и которая не предпринимает никаких действий, и к ней, по Олсону, следует отнести сезонных сельскохозяйственных рабочих, конторских

служащих, налогоплательщиков, потребителей и др. [там же, с. 127–155].

Современное общество постсоветской России по инерции интегрировало гетерогенную экономическую структуру, представляющую собой интересы различных групп: элитно-номенклатурной, военно-промышленной, «гражданской», аграрной, криминально-мафиозной экономики и экономики «черного рынка». Российский исследователь В. П. Макаренко отмечает, что «появление групп интересов наиболее вероятно не только тогда, когда индивидуальная польза высока, а расходы на контроль паразитарных тенденций незначительны, но и тогда, когда расходы организации ниже индивидуальной доли коллективных благ. После создания группы новые члены принимаются в нее как на основе их стремления к селективным благам, так и с опорой на механизм принуждения» [13, с. 122].

Далее в рамках плюралистического подхода исследования групп интересов В. П. Макаренко выделяет такие научные теории, как: *социального порядка и конфликта ... непредвиденных последствий групповых интересов, обмена, ангажированности* [там же, с. 121–125]. Плюралистическая концепция посредничества рассматривает политический процесс как давление различных групп интересов и распределение, соответственно, власти в обществе.

По мнению Ф. Шмиттера, некорпоративизм может быть определен как «система представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей» [14, с. 199].

Оценка влияния некорпоративизма на демократию Ф. Шмиттером различна. Она может быть и отрицательной и позитивной. Кроме того, он подчеркивает, что «под влиянием некорпоративистской практики происходит постепенная трансформация современных демократий. Наряду с индивидами (если не взамен последних) своего рода гражданами становятся организации. Степень подотчетности [властей] и их восприимчивости [к нуждам граждан] возрастает, но за счет снижения степени участия индивидов [в политической жизни] и их доступа [к принятию решений]» [там же, с. 202].

Как отмечает М. Г. Делягин, «развитие страны определяется взаимодействием государства, бизнеса и населения, причем образы действия и краткосрочные интересы двух последних различаются. Бизнес стремится к эффективности – к концентрации благ у

наиболее успешных субъектов экономики и политики. ... Население же органически стремится к справедливости – к более равномерному распределению благ» [15, с. 134].

Что касается России, то в силу трансформации общества, «лоббизм приобретает новое качество, институционализируясь и постепенно превращаясь в легитимный феномен экономической и политической жизни «институтов». Традиционная для развитых рыночных экономик схема «капиталы формируют власть» в государствах с могучим теневым экономическим сектором реализуется в другую традицию с точностью до наоборот: «власть формирует капиталы» [16, с. 121].

Эффективность деятельности заинтересованных групп определяется наличием ресурсов давления, которые они используют для получения хороших политических результатов. «В современном мире, – отмечает Г. И. Мусихин, – остро стоит вопрос, как себя вести конституционному правовому государству по отношению к тому или иному субъекту общества ... должно ли оно защищать права человека ... либо ему следует проявлять максимальную терпимость к различным формам социальной и индивидуальной активности» [17, с. 42]. В этом ракурсе плюралистический подход ограничен также в том отношении, что он акцентирует внимание скорее на правительстве, чем на государстве в целом. Он не учитывает то очень важное обстоятельство, что участники политической деятельности со стороны государства имеют собственные интересы, которые включаются в процесс формирования политики.

Следовательно, плюралистический подход не позволяет исследовать политику как систему взаимосвязанных отношений государства и общества, в которой государство является не просто агентом ответа на вызовы групп давления, а активным участником кооперации. Вместе с тем институт государства стабилизирует «агентов/представителей и их ожидания. Институциональные лидеры и представители рассчитывают на то, что поведение определенной группы лиц, с которыми им предстоит и в дальнейшем взаимодействовать, будет оставаться в относительно узком диапазоне возможностей» [18, с. 121].

Корпоративизм и неокорпоративизм по-прежнему являются достаточно дискуссионным направлением современной российской и зарубежной политической науки. Тема будущего «корпоративного тысячелетия» была заявлена в качестве основной на очередном конгрессе Международной ассоциации политической науки, который состоялся в 2000 г. в Канаде (г. Квебек). Участники конгресса, как бы продолжая дискуссию, начатую в 90-е гг. XX в., высказались по весьма важным составляющим проблемы: «1) вектор, который определяет сущность современной корпора-

ции как экономического и социально-политического института; 2) отношения корпорации со структурами гражданского общества; 3) настоящее и будущее трипартистских структур, одна из важнейших составляющих которых – корпоративный капитал» [19, с. 172]. Все три компонента весьма созвучны с темой исследования.

Рассмотрим совокупность представлений о феномене корпоративизма и интегрированный прогнозный концепт возможностей реализации неокорпоративизма в российских условиях. *Теория неокорпоративизма* является одной из основных концептуальных схем, объясняющих современный политический процесс, наряду с различными версиями плюралистической теории. Неокорпоративизм «характеризуется вовлечением («инкорпорированием») организованных интересов в политику и их участие в формулировании и осуществлении политических решений» [20, с. 543]. Корпоративизм в концептуальном плане выражает собой часть более широкого класса совокупности социальных интересов и взаимосвязей, в том числе и политических.

В классических исследованиях политической науки особое внимание уделяется разбору дефиниций корпоративизма и неокорпоративизма. Высказывается, например, следующее соображение. «Хотя корпоративизм определяли и как идеологию, и как разновидность политической культуры или государственного устройства, и как форму организации экономики, и даже как особый тип общества, – пишет Ф. Шмиттер, – наиболее продуктивным оказался подход, в рамках которого корпоративизм рассматривается в качестве одного из возможных механизмов, позволяющих ассоциациям интересов посредничать между своими членами (индивидами, семьями, фирмами, локальными сообществами, группами) и различными контрагентами (в первую очередь государственными и правительственными органами)» [14, с. 199].

Такая трактовка представляется заслуживающей внимания. Выработка политики в современных обществах основывается на взаимодействии государства как института, целью которого является достижение всеобщего интереса, и гражданского общества, представляющего собой сферу частных целей и интересов; в процессе этого взаимодействия множество частных интересов преобразовывается в единый общественный интерес, который и становится детерминантой выработки политического курса» [21, с. 29]. Вместе с тем согласование интересов происходит и по горизонтали, между различными группами корпоративных интересов.

Принцип функционирования корпорации типичен для группы интересов, т.е. это всегда действие, целесообразное поведение группы индивидов, соответствующее с интересами других членов группы, вы-

двигаемыми целями. Другая важная характеристика корпорации – установление между индивидами отношений иерархической зависимости, основанной на определенном типе власти, признанной всеми индивидами. Именно типом неформального господства и задается структура корпорации. Исключительно важный элемент такого согласования интересов – предпринимательские объединения и синдикаты, «созданные по отраслевому или профессиональному принципу» и которые являются «центрами, инспирирующими лоббистскую деятельность и направляющими ее в нужное русло» [22, с. 84].

Группы интересов выступают как институт представительства, значительно модифицирующийся под воздействием ряда объективных и субъективных факторов. Как отмечает российский исследователь П. В. Панов, «представляется возможным выделить три идеалтипические («базовые») разновидности социальных групп: ассоциации, сообщества, организованные социальные группы. Необходимо подчеркнуть, что индивидуальные мотивации следует отличать от коллективных смыслов. Институционализация порядка в любой социальной группе предполагает, что институциональные практики коллективно (в рамках этой группы) осмыслены, а индивидуальные мотивации указывают на то, почему члены группы воспроизводят данные коллективные смыслы» [23, с. 113].

Приемлемой представляется классификация корпоративных объединений, предложенная Л. Б. Логуновой как для стран Запада, так и для России: *патриархальная корпорация* (построенная по типу легитимного господства, воспроизводится архетип семьи, что придает данному типу корпорации особую структурную устойчивость); *харизматическая корпорация* (представляющая собой особый тип социальных диссипативных структур, однозначно жестко не оформленных, имеющих в качестве интегрирующего основания харизму лидера); *рационально-бюрократическая корпорация* (являющая собой механизм управления социальными процессами на основе формально-правового управления бюрократической элитой); *гуманистические корпорации* (формирующиеся на базе самооценности определенных идеалов (экологические движения, движения за ненасилие, феминистские организации и т.д.) [24].

Корпоративистские теории возникли отчасти как критический отклик на недостатки плюралистического подхода к посредничеству интересов. В противоположность плюрализму корпоративизм рассматривает государство в качестве важнейшего конституирующего элемента отношений между группами интересов и политикой. Что касается российской специфики, то, как полагает С. Ю. Барсукова, «одной из отличительных характеристик ельцинской эпохи

было слияние теневой экономики и теневой политики. При Путине диалог бизнеса и власти принял новые формы. Стремительно теряющий инициативу бизнес теперь, как правило, высказывается лишь по заданным властью поводам, причем тональность высказываний обычно доходчиво подсказывается той же властью» [25, с. 135].

Аналитическая модель корпоративизма по-своему решает проблему взаимоотношений между общественными интересами и государственными структурами. Стоит отметить, что в период 2005–2012 гг. в России окончательно оформились две основные группы лоббистских объединений: объединения работодателей и профессиональные союзы. При этом объединения работодателей можно разделить «на три основных сегмента. Первый из них представлен общероссийскими объединениями предпринимателей и включает в себя Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), «Деловую Россию», общественную организацию малого и среднего предпринимательства «ОПОРа России», Торгово-промышленную палату Российской Федерации» [26, с. 179].

Ко второму сегменту относятся отраслевые объединения бизнеса: в АПК (Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов, Ассоциация операторов российского мяса птицы, Мясной союз России, Национальный сельскохозяйственный союз, Национальный союз зернопроизводителей, Национальный союз производителей молока, Национальный союз свиноводов Российской Федерации, Российский зерновой союз), в банковской сфере (Ассоциация региональных банков, Ассоциация российских банков), в ТЭК (Российское газовое общество, Российский топливный союз, Топливо-энергетический союз), в строительстве и смежных отраслях (Российский союз строителей, Союз производителей цемента), в промышленности (Союз машиностроителей России, Союз производителей сельскохозяйственной техники), в индустрии отдыха и развлечений (Российский союз туристической индустрии, Российская ассоциация развития игорного бизнеса).

Третий сегмент представляет собой ряд социальных движений и организаций, которые имеют серьезные экономические интересы (афишируемые и неафишируемые) и, как следствие, осуществляют лоббистскую деятельность. Сюда относятся, к примеру, союзы, занятые в системе образования (Ассоциация негосударственных вузов России, Российский союз ректоров, Ассоциация технических университетов), ассоциации, представляющие органы местного самоуправления (Общероссийская общественная организация «Всероссийский Совет местного самоуправления», Международная ассоциация «Породненные города», Международная ассоциация столиц

и крупных городов, Союз российских городов), движение потребителей (Международная конфедерация обществ потребителей – КонфОП, Общественное движение «Комитет помощи пострадавшим дольщикам») и др.

Наряду с мощной и влиятельной «фракцией капитала», включающей объединения работодателей, лоббистские объединения серьезно представлены и «фракцией труда» – профессиональными союзами России, в условиях рыночной экономики включающими категорию наемных рабочих. На конец 2010 г., согласно официальным данным, в Российской Федерации функционировали шесть крупных общероссийских профсоюзных объединений: Всеобщая конфедерация профсоюзов, Конфедерация труда России (КТР), профессиональное объединение «Союз профсоюзов России» (СПР), Соцпроф, Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) и Федерация профсоюзов России (ФПР). Есть и данные об их численности.

В частности, ФНПР, «наследница и правопреемница советских профсоюзов, насчитывает 20 млн членов. Остальные четыре профессиональных центра возникли в постсоветские времена и считают себя альтернативными ФНПР. «Соцпроф» создан в 1989 г. и объединяет девять всероссийских организаций и пять межрегиональных, насчитывает 1,5 млн человек. Конфедерация труда России (КТР) создана в апреле 1995-го, объединяет четыре всероссийских профсоюза и пять межрегиональных организаций, насчитывает 900 тыс. членов. Всероссийская конфедерация труда (ВКТ) создана в октябре 1995 г. Федерация профсоюзов России (ФПР) создана в 2004 г. В июне 2009 г. ВКТ и КТР приняли решение объединиться. По мнению руководителей профсоюзных федераций, это усилит их влиятельность» [27, с. 3].

Как правило, исследования по проблематике корпоративизма и неокорпоративизма рассматривают наиболее влиятельные группы — бизнес и труд, и в этом смысле оставляют в тени множество других участников политического процесса, которые сегодня противостоят корпоративизму в политике и которые строят свои отношения с государством, не руководствуясь иерархическими отношениями. Вместе с тем именно «фракция капитала» и «фракция труда» во многом определяют перспективу взаимовлияния в условиях капитализма. Стоит также отметить, что в свое время Й. А. Шумпетер предполагал, что «капиталистический процесс ... имеет тенденцию разрушать свой защитный слой, уничтожать свои собственные бастионы и разгонять гарнизоны, держащие линию обороны» [28, с. 525].

Анализируя проявления корпоративизма в общественно-политической жизни Российской Федерации, исследователи Г. Дзизаева и Ю. Матвеевко уделяют

пристальное внимание финансово-промышленным группам (ФПГ), выделяя пять этапов развития взаимоотношений государства и бизнеса в России. На первом этапе (1990–1996 г.), согласно мнению исследователей, ключевая роль отводится государству, в то время как бизнес только набирает силу. Для второго этапа (1996–1998 г.) характерны доминирование крупного бизнеса и олигархический капитализм. Третий этап (1998–2000 г.) сопровождается кризисом олигархической модели, деятельностью неолигархических правительств Кириенко и Примакова. Четвертый этап (2000–2003 г.) предполагает достижение компромисса между властью и олигархией или крупным бизнесом, при котором олигархи вытесняются государством из сферы массмедиа, сохраняя при этом влияние в экономической жизни России. И наконец, пятый этап (2003 г. – настоящее время) сопровождается установлением «государственного» капитализма, при котором доминирование государства предполагает установление политического контроля над бизнесом под угрозой отъема частной собственности и лишения свободы, но без национализации частного сектора [29, с. 85].

Подход, предполагающий тесную связь государства и корпораций, с точки зрения российских исследователей, формирует изначально ведомую участь профессиональных союзов, сводя их роль к положению младшего партнера в трехстороннем диалоге (государство, бизнес, профсоюзы) в современной политико-экономической системе России. И это во многом оправдано.

Из существующих национальных моделей коллективно-договорных систем (американской, канадской, французской, немецкой, скандинавской и российской), которые детально исследованы в коллективной работе Института сравнительной политологии РАН, именно для российской модели характерна меньшая влиятельность «фракции труда». В частности, как отмечается в данной работе, «социальная практика показывает, что существующая множественность профсоюзов в переговорном процессе на рабочем месте (и не только на рабочем месте) не всегда способствует созданию условий, благоприятных для заключения соглашений, отвечающих интересам всех переговорщиков» [30].

Очевидно, указывает Т. В. Павлова, это является одной из причин того, что в «современной России отсутствует свойственная для обществ современного типа дифференцированная сфера политики, сфера артикуляции и согласования интересов и ценностей различных общественных групп через посредство партий, социальных движений и других организаций с целью формулирования общезначимых идей и реализации политического действия для их достижения. ... Это фрагментированный институциональный

порядок, соответствующий сегментированному социуму, построенному по кликовому принципу» [31, с. 91].

Характерно, что В. М. Полтерович [32] и С. В. Патрушев [33], рассматривая историю провалов и успехов трансформационного периода постсоциалистических и постсоветских государств включая Россию, представляют ее не как историю последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ, а с точки зрения сохранения дееспособных институтов в одних странах и их развала в других. Такой подход нам видится логичным и обоснованным. Как подчеркивает С. В. Патрушев, «это история несостоятельности государства и его институтов (government failure), а не несостоятельности рыночной координации и недостаточной либерализации (market failure). Более того, тенденция к централизации способствует укреплению и укоренению неконкурентных структур в различных областях человеческой жизнедеятельности» [33, с. 291].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Перегудов С. П.* Политическая система России после выборов 2007–2008 гг. : факторы стабилизации и дестабилизации / С. П. Перегудов // *Полис.* – 2009. – № 3. – С. 145–161.
2. Подходы к интерпретации политического процесса // *Категории полит. науки.* – М. : Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Университет), Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2002. – 656 с.
3. *Вебер М.* Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
4. *Даль Р.* О демократии : пер. с англ. А. С. Богдановского / Р. Даль ; под ред. О. А. Алякринского. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
5. *Даль Р.* Предпосылки возникновения полиархий / Р. Даль // *Полис.* – 2002. – № 6. – С. 34–57.
6. *Олсон М.* Логика коллективных действий. Ответственные блага и теория групп : пер. с англ. / М. Олсон. – М. : ФЭИ, 1995. – 174 с.
7. *Парсонс Т.* О социальных системах / Т. Парсонс ; под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М. : Акад. проект, 2002. – 832 с.
8. *Дюверже М.* Политические партии / М. Дюверже ; пер. с фр. – М. : Акад. проект, 2002. – 560 с.
9. *Лепехин В. А.* Лоббизм / В. А. Лепехин. – М. : Фонд IQ, 1995. – 116 с.
10. *Перегудов С. П.* Группы интересов и российское государство / С. П. Перегудов, Н. Ю. Лапина, И. С. Семенов. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 352 с.
11. Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России / науч. ред. Я. Ш. Паппэ. – М. : Центр полит. технологий, 1997. – 260 с.
12. *Тамбовцев В.* Субъекты модернизации : воздействие групп интересов на стратегии развития / В. Тамбовцев, А. Верведа // *Вопр. экономики.* – 2008. – № 1. – С. 86–96.
13. *Макаренко В. П.* Групповые интересы и властно-управленческий аппарат : к методологии исследования / В. П. Макаренко // *Социол. исследования.* – 1996. – № 11. – С. 120–128.
14. *Шмиттер Ф.* Неокорпоративизм : определение понятия / Ф. Шмиттер // *Политология : хрестоматия / сост. Б. А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов.* – СПб. : Питер, 2006. – 464 с. – С. 198–202.
15. *Делягин М. Г.* Государство между народом и бизнесом / М. Г. Делягин // *Полис.* – 2008. – № 3. – С. 134–147.
16. *Ильичева Л.* Взаимоотношения власти и бизнеса в процессе трансформации современной России / Л. Ильичева // *Диалог Восток – Запад. Регионы Европы : условия, вызовы и перспективы развития : материалы Междунар. конф. (Лодзь–Польша), 24–30 ноября.* – М. : Федерация мира и согласия, 2008. – С. 121–127.
17. *Мусихин Г. И.* Плюрализм политических ценностей или всеобщий императив свободы личности : выбор не предопределен? / Г. И. Мусихин // *Полития.* – 2007. – № 3 (46). – С. 42–60.
18. *О’Доннелл Г.* Делегативная демократия / Г. О’Доннелл // *Политология : хрестоматия / сост. Б. А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов.* – СПб. : Питер, 2006. – 464 с. – С. 119–157.
19. *Перегудов С. П.* Корпоративный капитал в мировом контексте / С. П. Перегудов // *Полис.* – 2000. – № 6. – С. 172–175.
20. *Даниленко В. И.* Неокорпоративизм / В. И. Даниленко // *Совр. полит. словарь.* – М. : NOTA BENE, 2000. – 1024 с.
21. GR-связи с государством : теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством / под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. – М. : РОССПЭН, 2012. – 407 с.
22. *Васецкий А. А.* Лоббизм в политическом процессе современной России / А. А. Васецкий // *Управленч. консультирование.* – 2008. – № 1. – С. 79–97.
23. *Панов П. В.* Институты, идентичности, практики : теоретическая модель политического порядка / П. В. Панов. – М. : РОССПЭН, 2011. – 230 с.
24. *Логунова Л. Б.* Корпорации как тип социальной интеграции / Л. Б. Логунова // *Социол. исследования.* – 1996. – № 12. – С. 105–112.
25. *Барсукова С. Ю.* Власть и бизнес : новые правила игры / С. Ю. Барсукова // *Полис.* – 2006. – № 6. – С. 135–144.
26. *Воропаев И. В.* «Фракция труда» и «фракция капитала» : лоббистские технологии в деятельности ассоциаций бизнеса и профессиональных союзов / И. В. Воропаев, Д. Н. Нечаев // *Институционализация рос. модели связей с общественностью : теор. и прикл. аспекты : сборник науч. трудов / отв. ред. Д. Н. Нечаев ;*

Ин-т полит. анализа и стратегии. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2011. – 372 с. – С. 178–201.

27. *Нагорных И.* Профсоюзы начали слияния и поглощения / И. Нагорных, В. Хамраев // *Коммерсантъ*. – 2009. – 3 июня.

28. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер ; [предисл. В. С. Автономова ; пер. с нем. В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко ; пер. с англ. В. С. Автономова, Ю. В. Автономова, Л. А. Громовой, К. Б. Козловой, Е. И. Николаенко, И. М. Осадчей, И. С. Семеновенко, Э. Г. Соловьева]. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.

29. *Дзиабаева Г.* Российские корпоративные структуры : воздействие на политику / Г. Дзиабаева, Ю. Матвеев // *Диалог Восток – Запад. Регионы Европы : условия, вызовы и перспективы развития : материалы Междунар. конф. (Лодзь–Польша), 24–30 ноября*. – М. : Федерация мира и согласия, 2008. – С. 85–95.

30. Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических

системах : опыт сравнительного исследования / под ред. Т. В. Павловой и С. В. Патрушева. – М. : СПРАН, 2005. – 226 с.

31. *Павлова Т. В.* Демократия versus кликократия / Т. В. Павлова // *Граждане и полит. практики в совр. России : воспроизводство и трансформация институционального порядка* / [ред. кол. : С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов]. – М. : РОССПЭН, 2011. – 318 с. – С. 88–94.

32. *Полтерович В. М.* Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории / В. М. Полтерович // *Экономика и матем. методы*. – 2006. – Т. 42, № 1. – С. 3–18.

33. *Патрушев С. В.* Кликократия как институциональная проблема российской модернизации / С. В. Патрушев // *Власть и политика : институциональные вызовы XXI века. Политическая наука : ежегодник 2012 / РАПН ; гл. ред. А. И. Соловьев*. – М. : РОССПЭН, 2012. – 446 с. – С. 279–297.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Нечаев Д. Н., доктор политических наук, профессор

E-mail: nechaevpolitia@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Voronezh State Architectural and Construction University

Nechaev D. N., Doctor of Political Sciences, Professor

E-mail: nechaevpolitia@rambler.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43